

ПРОЦЕСС КОНВЕРГЕНЦИИ ЭЛИТ В РЕГИОНЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ: НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ БИРМЫ

Д. А. БРОДЯК

*Харьковский национальный
университет
им. В. Н. Каразина*

e-mail: info@karazin.ua

В XX столетии в ходе адаптации традиционных обществ стран Азии и Африки к реалиям глобальной цивилизации имело место формирование в этих странах слоя правящих элит, происходившее под влиянием и при активном участии людей и идей западного мира. В работе на примере новейшей истории Бирмы/Мьянмы рассмотрены существенные аспекты процесса конвергенции элитных групп в новых независимых государствах Юго-Восточной Азии и их деятельность по модернизации регионального восточного социума. Особое внимание в работе уделено элитам военного происхождения, преимущественно правившим в период независимости страны.

Ключевые слова: элиты, конвергенция, капитализм, социализм, Бирма, реформы в аграрном секторе, Не Вин, бирманские модернисты.

Как известно, результатом деколонизации стало появление на политической карте мира свыше полусотни новых самостоятельных государств и обретение подлинной политической независимости еще несколькими десятками из них. Внешним знаком и символом суверенитета этих стран стало их членство в ООН. Заслуживает внимания то обстоятельство, что во многих бывших колониях и в зависимых странах, таких как Египет, Турция, Иран, Китай, государства вообще не возникали заново. Однако и они, как правило, изменяли свой характер, и, в частности, форму правления. Среди этих форм в XX в. на Востоке стали господствовать республиканские, до того там вовсе неизвестные. В рядах же политических лидеров новых независимых государств абсолютно преобладали люди, воспитанные в духе европейской политической культуры, получившие образование в какой-либо из стран Европы или в учебном заведении европейского типа. Это был закономерный результат вполне определенной и целенаправленной политики. Если вести речь о колониях, то проводниками такой политики были колониальные державы в лице их администрации в этих колониях. В зависимых странах тоже складывалась влиятельная элита из ориентировавшихся на европейские ценности людей, в основном из среды высокопоставленных слоев общества. Там тоже создавались учебные заведения европейского типа, готовившие кадры будущих управленцев, технической и иной интеллигенции. К моменту деколонизации проблема кадров, способных возглавить новые самостоятельные государства и повести их по пути современного развития, в основном уже не стояла. Возникал лишь вопрос о выработке политики, об организации управления, характере власти, формах социально-политического устройства, в общем – о выборе пути развития¹.

Сложности и противоречия постколониального этапа истории развивающихся стран, как в зеркале, отразились в нелегкой судьбе Бирмы (Мьянмы) – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии. Прежде, чем в 1885 г. после трех войн англичане сделали ее своей колонией, на мьянманской земле в разные века сменили друг друга три империи, в состав которых входили и части территории современных Таиланда, Китая и Индии. Имперское прошлое и колониальное господство англичан оставили Мьянме наследие, которое во многом предопределило полувековое правление в стране военных режимов.

Первой и наиболее острой проблемой, стоявшей перед страной, была проблема ее единства. Мьянма – многонациональное государство. Около 70% ее населения составляют собственно бирманцы (самоназвание «бама»), а более четверти – другие коренные этнические группы, причем регионы, где сосредоточены небирманские этносы, по площади превышают половину территории страны.

Вторая проблема состояла в том, что к моменту получения Бирмой независимости в этой стране, в отличие, например, от Индии, по сути, отсутствовала национальная

¹ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 414-419.

гражданская политическая элита, способная взять в свои руки управление государством. С одной стороны, колониальные власти максимально ограничивали прием этнических бирманцев на службу во властные структуры, отдавая младшие должности в госаппарате, армии и полиции представителям национальных меньшинств или индийцам. С другой – этнических бирманцев не было и среди мало-мальски влиятельных предпринимателей колониальной Бирмы, поскольку крупный бизнес находился в руках англичан, средний и мелкий – индийцев и китайцев².

Вместе с тем, за годы Второй мировой войны, в период японской оккупации, в Бирме сформировались мощные Вооруженные силы, во главе которых встали патриотически настроенные и европейски образованные молодые люди. Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации «Добама Асиайон» («Наша Бирма»), которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 20-е – 30-е годы познакомились с английским языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права³.

Все они неплохо ориентировались в европейском культурном дискурсе, пытаясь приложить к развитию родной Бирмы самые современные западные теории: от марксизма-ленинизма до фашизма. Так, еще до войны в организации «Добама Асиайон» существовали две ведущие фракции. Члены одной из них группировались вокруг писателя и публициста Такина Кодо Хмайна. В эту фракцию входили будущий лидер бирманского национально-освободительного движения генерал Аун Сан, будущий премьер-министр страны У Ну. Группировка Такина Кодо Хмайна ориентировалась на левые идеи, опыт Советского Союза. Еще один видный деятель будущей независимой Бирмы – Такин Шу Маун (впоследствии принявший имя Не Вин и наряду с Аун Саном ставший отцом-основателем бирманской армии) принадлежал к фракции Ба Сейна – Тун Оука, склонявшейся к правому социализму и национализму. Лидеры этой группировки внимательно присматривались к методам захвата власти Муссолини и Гитлером⁴.

Будущие лидеры независимой Бирмы полагали, что правящая элита современного бирманского государства должна формироваться с учетом европейского опыта. Как подчеркивал Аун Сан еще до войны, задолго до провозглашения независимости страны, «...Им должен быть дан правильный тип образования, такой, чтобы они смогли вырасти дисциплинированными и сплоченными в своей непоколебимости, для осуществления работы по строительству нации. Это – тот путь, по которому идет Россия, это также часть программы, которую герр Гитлер и синьор Муссолини провозглашают в Германии и Италии, и это именно тот метод, который настойчиво проповедовали Платон и Аристотель более двух тысяч лет назад»⁵.

В практической плоскости формирование будущей элиты страны протекало вполне успешно, поскольку с подачи генерала Аун Сана отношения между бирманскими и британскими военными после победы над Японией отличало тесное и плодотворное сотрудничество. Начало этому положила встреча Аун Сана с британским коллегой Уильямом Слимом в Канди на Цейлоне в сентябре 1945 г., во время которой стороны договорились не обсуждать политические вопросы, не выяснять, кто хозяин и кто кого угнетает, а прагматично сотрудничать в военной сфере. Поэтому, когда бирманцы в начале 1947 г. добились от англичан сроков признания независимости, они попросили оставить в стране сроком на три года значительную британскую военную миссию. Главной целью этой миссии было создание профессиональной бирманской армии (то есть, имеющей ядро из этнических бирманцев) из разнообразных добровольческих формирований, возникших в период японской оккупации.

После того, как эта миссия в 1951 г. покинула Бирму, многие английские офицеры остались служить в бирманской армии в индивидуальном порядке. Число тех, кого никто

² Ивашенцов Г. А. Мьянма – смена вех // *Международная жизнь*. 2014. № 2. С. 57-63.

³ Листопадов Н.А. Генерал Аун Сан // *Восток: Афро-азиатские общества: история и современность*. 2005. № 5. С. 66–77; Листопадов Н.А. У Ну // *Восток: Афро-азиатские общества: история и современность*. 1996. № 1. С. 115-123; Листопадов Н. А. У Тан // *Вопросы истории*. 1998. № 6. С. 87-103.

⁴ Листопадов Н.А. У Не Вин // *Вопросы истории*. 1997. № 11. С. 58-59.

⁵ Taylor R.H. *The State in the Myanmar*. National University of Singapore, 2009. P. 137-139.

не ждал на родине, или у кого здесь были бирманские жена и дети, было немалым. Конечно, уже их дети стали бирманцами, получили чисто бирманские имена (в Мьянме нет фамилий, поэтому такой признак национальности как фамилия здесь «не работает») и постепенно растворились среди бирманцев. Однако даже в 1962 г. в официальном списке 17 членов Революционного Совета, пришедшего к власти в результате военного переворота генерала Не Вина, невольно бросается в глаза совсем не бирманское имя – главком ВВС бригадный генерал Томас (Томми) Клифт (бывший британский боевой летчик, сын англичанина и шанки). Также в правление Не Вина должность Генерального директора Департамента поставок армии долгие годы занимал католик по вероисповеданию, бригадный генерал Давид Абель (выпускник британской военной академии Сандхерст, сын индийца-христианина и английской еврейки). После военного переворота 1988 г. именно генерал Абель предложил курс на построение рыночно-ориентированной экономики и получил прозвище «экономического царя Бирмы», занимая в 90-е годы ключевые посты министров торговли, финансов и министра национального планирования и экономического развития⁶. Даже сам генерал Не Вин, по мнению многих бирманистов, в частности, П.Н. Козьмы, по происхождению является не бирманцем, а этническим китайцем, которые издавна селились в районах Бирмы с наиболее развитыми рыночными отношениями.

В свете вышесказанного не вызывает удивления, что изучение английского языка в бирманских Вооруженных силах всегда стояло на высоком уровне; поэтому, несмотря на закрытость страны, бирманские генералы обычно говорили по-английски гораздо лучше своих тайских, малайских или индонезийских коллег.

Не чуралась нарождающаяся бирманская элита также и англо-американской политической мысли, в частности, популярной в 40-60-е годы теории конвергенции («сближения», «слияния») антагонистических социальных систем. Во второй половине XX в. конвергенция доктринально разрабатывалась такими мыслителями, как Питирим Сорокин, Джордж Гэлбрейт и т.д. (В СССР за сближение социализма и капитализма выступит академик Андрей Сахаров). В самом общем виде сущность теории конвергенции заключалась в том, что благодаря успехам в науке и технике послевоенный мир "вырвался" из прокрустова ложа индустриальной эпохи и вступил в пору постиндустриального развития. На противоположных полюсах этого мира оказались СССР и США – самые сильные державы, какие только знала история. Чтобы противоречия между этими супердержавами не разразились новой глобальной катастрофой, необходимо было решить вопрос об их сближении, а в перспективе – слиянии в одно смешанное общество, членами которого станут впоследствии все страны мира, управляемые, как это мечталось академику Сахарову, одним всемирным правительством. Политика, лишённая морали, приводит к различным противоречиям, злоупотреблениям и конфликтам. Политика, опирающаяся на мораль, – утверждали теоретики конвергенции, – напротив, подразумевает поиск компромиссных решений, как в масштабах страны, так и мира в целом⁷. Положения теории конвергенции, так или иначе, отразились в идеологической и политической практике большинства постколониальных элит Востока, знакомых с европейской политической культурой.

Не стала исключением и послевоенная Бирма. Аун Сан еще в 1947 г., излагая программу социально-экономических мероприятий после завоевания независимости, определял проектируемое им общественное устройство как «что-то среднее между капитализмом и социализмом»⁸. Он был принципиальным противником капитализма, неоднократно заявлял, что народы Бирмы выступают не только против иностранного гнета, но и против эксплуатации со стороны национальных капиталистов, однако считал возможным существование в Бирме капиталистического сектора, которое «не вредило бы массам». Аун Сан также высоко оценивал потенциал буржуазной демократии, в частности, полагал, что английские лейбористы в состоянии построить в Англии социализм⁹.

⁶ Taylor R.H. The State in the Myanmar. National University of Singapore, 2009. P. 172-178.

⁷ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2. М., 1998. С. 436-439.

⁸ Аун Сан. Бирма бросает вызов. Статьи и речи. М., 1965. С. 87, 144, 193-194.

⁹ Кауфман А. С. Идеальный путь Аун Сана // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. 1973. № 3. С. 75-78.

Тем не менее, последовавшая после обретения страной независимости в январе 1948 г. попытка лидеров Бирмы вписать национальную экономику в капиталистическую мирохозяйственную систему привела бирманское общество к глубокому кризису. С марта 1948 г. в стране разгорелась широкомасштабная гражданская война между проправительственными силами и Коммунистической партией Бирмы, которая попыталась аккумулировать весь заряд крестьянского недовольства существовавшей системой неокOLONIALной эксплуатации.

Стоит отметить, что кризисные явления после обретения независимости испытывали общества всех освободившихся от прямого колониального господства стран Востока. При этом о возвращении к доколониальному прошлому для выхода из кризиса не помышляла ни одна из восточных элит. Для лидеров стран третьего мира вопрос состоял лишь в том, как поступить с колониальной аграрной системой. Либо, уничтожая зависимость от бывших колониальных центров, постепенно совершенствовать эту систему, сохраняя неизменным механизм, запущенный колонизаторами; либо очистить содержащуюся в этой системе буржуазную тенденцию от колониальной «шелухи» и решительно ее поощрять; либо создать совершенно новую систему.

Бирма, несомненно, входила в третью группу, попробовав на практике воплотить упомянутую выше теорию конвергенции двух систем наиболее четко и последовательно во всем Восточном мире. Имея целью переломить ход гражданской войны в Бирме в свою пользу и выйти из кризиса, генерал Не Вин на протяжении 1963-1965 гг. осуществил в стране радикальную аграрную реформу; она в корне изменила колониальные порядки, сложившиеся в деревне в предшествующий период.

Пытаясь ликвидировать диспропорции колониальной аграрной системы, бирманское национальное государство повело решительную борьбу против посреднического механизма изъятия крестьянской продукции. В большинстве стран это означало ограничение крупной земельной собственности и аренды в ее колониальном варианте. Бирма в этом плане пережила одно из самых глубоких преобразований: полное, «физическое» исчезновение слоя крупнейших ростовщиков-индийцев, ликвидацию их «долговых» владений, полную отмену аренды — был осуществлен один из наиболее радикальных на Востоке арендных законов¹⁰.

Первым итогом всех более или менее успешных реформ в аграрном секторе, общим для всех стран, было «высвобождение» мелкотоварной ориентации массы крестьянских хозяйств. В Бирме, как и везде, крестьянская масса «подвинулась» к рынку; рано или поздно бирманская деревня, превратившись сначала в ровную массу мелкотоварных хозяйств, могла бы развиваться в сторону капитализма по пути, продемонстрированному Японией или Южной Кореей. Но судьба бирманской деревни сложилась иначе: после 1962 г. местный военный режим отверг капиталистический путь. В отличие от индийских деклараций о социализме при явной объективной пробуржуазности аграрных преобразований или стремления режима Сухарто в Индонезии к «классовому миру» и «единой семье» — в Бирме, при внешней схожести некоторых официальных установок, аграрная политика оставалась действительно не — капиталистической. Смысл призывов к усреднению здесь был иной: в середняке государство не видело будущего преуспевающего на рынке фермера; кооперативы здесь настойчиво очищались от капиталистических принципов организации; рынок как таковой сильно ограничивался. В то же время, это и не был социализм советского образца: курс бирманских модернистов не предусматривал обобществления главного средства производства — земли, а также создания в деревне массовых систем образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Иными словами, убежденность Аун Сана и его преемников, что после завоевания независимости вследствие экономической отсталости страны необходимо создание предварительных предпосылок социалистических преобразований, и что эти перемены должны происходить преимущественно эволюционным путем, привела в правление Не Вина к попытке утвердить в Бирме режим, основанный на реальной конвергенции черт капитализма и социализма. Ключевой пункт, повторим, — место и роль государства. Этот пункт резко выделял бирманскую деревню эпохи Не Вина среди прочих. Режим бирман-

¹⁰ The tenancy Law, 1963. Rangoon, 1963.

ских модернистов регулированием аграрных отношений „издалека” не мог удовлетвориться. Со временем бирманское руководство пришло к выводу, что самый действенный способ контроля — почти полная государственная монополия на закупки риса при резком ограничении свободного рынка. Эта политика достигла масштабов, неведомых большинству стран Востока и, главное, отличалось по средствам осуществления. То, что для Индонезии 1973 г. было короткой и неудачной попыткой, стало для Бирмы более или менее строгим правилом на четверть века. И сразу же отметим характерное и, видимо, неизбежное следствие — мощное развитие нелегального, „черного рынка”. Кроме этой яркой особенности, Бирму выделяет с колониальных времен сравнительно благоприятная демографическая ситуация: аграрное перенаселение, резко обострившееся в ряде стран Южной и Юго-Восточной Азии, бирманскую деревню в целом обошло стороной, и это помогло Бирме скоро оправиться от продовольственного кризиса начала 70-х годов, вызванного радикальностью реформ, снижением товарности сельского хозяйства. Во многих странах реформы сначала укрепили средние слои, „усреднили” деревню, а затем вызвали новый виток расслоения. В бирманской деревне „усреднение” произошло, а новый этап расслоения не состоялся: вмешалось государство, заморозившее эту тенденцию. Социальные напряжения в бирманской деревне после реформ Не Вина оказались в значительной мере сняты; они существовали, но уступали по своему накалу тем конфликтам, которые знакомы деревне других стран, особенно быстро модернизирующихся в буржуазном направлении.

Сравнительно невелика была и политическая активность крестьянства — политически деревня контролировалась государством даже больше, чем экономически¹¹. Этому способствовало то, что, проводя серьезные преобразования в глубоко религиозном буддийском обществе, Не Вин так или иначе учитывал в своей деятельности огромное влияние на массы традиционного религиозного мировоззрения.

С одной стороны, после переворота 1962 г. Ревсовет отменил принятый при У Ну закон, провозгласивший буддизм официальной религией, и взял курс на неиспользование религии в политических целях. Тем не менее, официальная философия Партии Бирманской Социалистической Программы «Система взаимоотношений человека и окружающей его среды» оказалась пронизанной буддийскими понятиями и представлениями. Сам Не Вин постоянно подчеркивал свою приверженность буддизму¹². Никаких гонений на религию при его правлении не было. Другое дело, что правительство Не Вина стремилось взять под полный контроль весьма влиятельную и многочисленную монашескую общину — сангху. Всем ее членам вменялось в обязанность пройти регистрацию и получить удостоверение личности.

В мае 1980 г. в Рангуне в торжественной обстановке состоялся первый Всебирманский буддийский собор. Он принял решения о создании единой организационной структуры сангхи под эгидой государства, об обязательной регистрации ее членов. В ознаменование успешного завершения Собора начинается строительство величественного буддийского храма Маха Визайя — Великая победа. В образе действий Не Вина все отчетливее стали проявляться черты традиционного буддийского правителя, главная задача которого состоит в покровительстве религии, ее укреплении и распространении¹³.

В результате комплекса мероприятий, предпринятых модернистской элитой Бирмы в середине 60-х гг., обстановка в стране начала стабилизироваться, в частности, прекратилось прогрессирующее разорение бирманского крестьянства — основной части населения страны. Крестьянство Верхней Бирмы — основной базы бирманских коммунистов — стало переходить на сторону правительства, и, в частности, начало пополнять ряды бирманской правительственной армии. Это позволило Не Вину добиться и военного перелома в гражданской войне, который наступил в 1968-1970 гг. после краха «всеобщего наступления» бирманских коммунистов, гибели харизматичного лидера КПБ (Белого Флага) Такин Тан Туна и капитуляции главы КПБ (Красного Флага) Такина Со. Левацкая террористическая контрэлита отныне уже не имела шансов на приход к власти в масштабах всей страны и к концу 80-х гг. окончательно сошла с политической арены.

¹¹ Агаджанян А. С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989. С. 112-121.

¹² Не Вин. Бирма на новом пути. М., 1965. С.165-169.

¹³ Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 66-67.

Сложным комплексом внутри и внешнеполитических мероприятий, на протяжении почти четверти века, стабильность в Мьянме в правление генерала Не Вина эффективно обеспечивалась, однако цена ее оказалась достаточно велика. Огосударствленная экономика, управлявшаяся командными методами, стагнировала. По классификации ООН, в 1987 г. Мьянма была включена в список наименее развитых стран мира с годовым доходом на душу населения около 200 долл. Финансовая система обескровливалась оттоком средств в разросшийся черный рынок и контрабандную торговлю.

В условиях углублявшегося кризиса правительство вынуждено было пойти на либерализацию экономической жизни, начав с ведущей отрасли – сельского хозяйства, в котором занято 65% самодельного населения. В октябре того же года принимается поправка к закону о правах частных предприятий, в соответствии с которой право заниматься частным бизнесом предоставлялось всем желающим без каких бы то ни было ограничений. На чрезвычайном съезде ПБСП в июле 1988 г. была выдвинута программа преобразований в экономике, предусматривавшая значительную децентрализацию экономической жизни, активное подключение частных предпринимателей, создание предприятий с участием иностранного капитала. Председатель партии Не Вин и президент страны Сан Ю ушли в отставку. Не Вин даже высказал предложение провести общенациональный референдум, чтобы выяснить мнение народа о целесообразности сохранения однопартийной системы.

Одновременно с шагами в сторону рыночных преобразований правительство прибегло к явно волюнтаристским мерам, объясняемым необходимостью обуздать черный рынок, – изъятию из обращения банкнот крупного достоинства безо всякой компенсации их владельцам. Эта акция послужила детонатором студенческих волнений, летом 1988 г. переросших в мощное стихийное движение под лозунгами демократизации. Упомянутая широкая программа политических и экономических преобразований, к сожалению, была предложена слишком поздно, в условиях, когда ПБСП полностью потеряла доверие горожан, а крестьянские массы, хоть и сохраняли лояльность режиму, также уже испытывали потребность в переменах.

Против Не Вина, своего бывшего товарища по оружию, выступили даже члены легендарной группы «30 товарищей», которая в далеком 1941 г. во главе с Аун Саном проходила подготовку в Японии для участия в свержении британского колониального господства. 6 сентября 1988 г. 9 из 11-ти оставшихся на тот момент в живых ветеранов заявили об осуждении Не Вина и его режима, призвали вооруженные силы присоединиться к демократическому движению. 10-й «товарищ», бывший генерал Чжо Зо, находился в тот момент в штаб-квартире КПБ на границе с Китаем, а 11-м являлся сам Не Вин¹⁴.

Результаты деятельности Не Вина и его соратников по-разному оцениваются в историографии, причем водоразделом являются события 1988 г. Так, в американских публикациях мероприятиям Не Вина в различные периоды дается в целом положительная оценка. Например, в труде известного бирманиста Р. Тейлора, изданном Гавайским университетом в 1987 г. и переизданном в 2009-м, автор, говоря об отставании Бирмы в экономическом развитии, одновременно отмечает несомненные, по его мнению, плюсы режима Не Вина: стабильность, предсказуемость, гарантирование населению минимального уровня выживания, сохранение традиций, отсутствие преступности. Главная же заслуга Не Вина и в целом первого поколения бирманских модернистов, по мнению Р. Тейлора, состоит в том, что они сформировали в Бирме систему современных государственных институтов, положили начало адаптации традиционного общества к реалиям современности¹⁵.

Аналогично оценивается правление Не Вина в исследованиях современных российских бирманистов, в частности, Н.А. Листопадова и А.С. Агаджаняна¹⁶.

¹⁴ Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 73-74.

¹⁵ Taylor R. H. The State in the Myanmar. National University of Singapore, 2009. P. 172-178; Taylor R.H. Policy. A Study in Neutralism. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts. 1963. P. 132, 156, 270; In Search of South East Asia. P. 403-404; Lintner B. Burma in Revolt: Opium and Insurgency since 1948. Bangkok, 1994. P. 174, 281, 302; Maung Maung. Burma and General Ne Win. Bombay, 1969. 332 p.

¹⁶ Листопадов Н.А. У Не Вин // Вопросы истории. 1997. № 11. С.58-59; Агаджанян А.С. Бирма: крестьянский мир и государство. М., 1989. С. 112-121.

Оценки большинства зарубежных исследователей кардинально изменились после массовых выступлений 1988 г. и выхода на политическую арену Аун Сан Су Чжи – лидера второго поколения модернистского крыла бирманской элиты. Предшествующая деятельность Не Вина стала рассматриваться в негативном ключе, а сам он характеризуется исключительно как узурпатор и диктатор, виновный во всех бедах страны¹⁷.

Несмотря на разноту мнений исследователей, представляется достаточно обоснованным вывод, что выработанная первым поколением бирманской постколониальной элиты смешанная, конвергенционная модель модернизации страны оказалась достаточно эффективной. Даже при наличии серьезных издержек, она позволила Бирме избежать скатывания в пучину кровавых потрясений, сотрясавших многие страны Азии и Африки в 60-80-е годы. Неутихающая в мире борьба с террором и террористическими идеологиями сохраняет актуальность политического опыта бирманских военных, сумевших еще в 60-70-е годы завоевать доверие народных масс и выбить почву из-под ног политических экстремистов.

THE CONVERGENCE PROCESS OF ELITES IN THE REGION OF SOUTH – EAST ASIA IN RECENT TIMES : THE CASE OF THE FORMATION OF BURMA'S POST-COLONIAL ELITE

D.A. BRODYACK

*Kharkiv National University
name V. Karazin*

e-mail: info@karazin.ua

In the 20th century, during the adaptation of traditional societies of Asia and Africa to the realities of a global civilization has taken place in these countries forming layer of the ruling elites, is influenced by and with the active participation of the people and ideas of the Western world. On the example of the recent history of Burma / Myanmar are considered essential aspects of the process of convergence of elite groups in the newly independent states of Southeast Asia and their activities on the modernization of the regional Eastern society.

Key words: elite, convergence, capitalism and socialism, Burma, the reforms in the agricultural sector, Ne Win, the Burmese modernists.

---

¹⁷ Lintner B. Outrage: Burma's Struggle for Democracy. L., 1990. P.179-213; Fink C. Living Silence: Burma under Military Rule. London, 2001. 156 p.